ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

Семиозис национализма

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Вопрос о судьбе национального государства в эпоху стремительного развертывания процесса глобализации человечества на рубеже тысячелетий приобрел особую остроту уже на излете XX столетия. Начало нового тысячелетия, ознаменованное глобальным экономическим кризисом 2009 г., придало этому вопросу новую актуальность. И хотя ясности (и тем более единства взглядов) в понимании сущности, исторических форм, стадий и движущих сил глобализации все еще нет, глобализация как ключевая проблема современности продолжает оставаться излюбленным предметом исследования представителей самых разных идеологических направлений, ведущую роль в составе которых, начиная с 1990-х годов, стал играть неолиберализм. Именно представители этого направления социально-философской, экономической и политической мысли заявили о конце истории и национального государства, от которого, будто бы, «осталась лишь скорлупа». Остановимся подробнее на их аргументах.

Доктрина суверенитета: от либерализма к неолиберализму

Прежде всего, представители неолиберального подхода (П. Дракер, К. Омаэ, Дж. Сорос, Р. Райх и др.) выступают против сохранения суверенитета национального государства в его нынешнем виде и намечают для государств перспективу стать местными органами власти в рамках глобальной системы. П. Дракер, например, считает, что в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономике складывается новая система ценностей, в которой национальному государству места не будет. По его мнению, национальное государство – это отжившая форма, пригодная для индустриального общества, но неприемлемая для постиндустриального; формирование управленческих институтов глобализации в нем будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе[1].

По мнению Дж. Сороса, доктрина суверенитета препятствует созданию эффективного международного механизма, способного не допускать падения уровня жизни и загрязнения окружающей среды. При этом Сорос совершенно произвольно изымает суверенитет из набора основных принципов классического либерализма, что явно противоречит историческим фактам[2]. Высказывания Сороса о том, что можно свободно взламывать национально-государственный суверенитет, исходя из тех или иных глобализационных соображений, получили в литературе название «доктрина Сороса».

Солидаризуясь с ней, К. Омаэ прямо заявляет о «конце национального государства» и называет приверженность к нему «картографическими иллюзиями» и «ностальгическими фикциями»[3]. По его мнению, нужно ослаблять национальные государства, поскольку они мешают бизнесу. На место государственного суверенитета должен встать суверенитет потребителя. Государства мешают транснациональным корпорациям удовлетворять потребителей, у которых сформирована глобальная система предпочтений. Омаэ считает необходимым разрушение архаических национальных чувств, т.е. социокультурных уз, которые мешают «подсесть» на потребление все новых и новых товаров производимых ТНК, а государство, с его поддержкой национальной культуры как раз является гарантом поддержания национальной культурной среды. Как известно, важнейшей частью продукции ТНК, продвигаемой по всему миру являются информационные технологии. В этом смысле совершенно не случайно компьютерные игры целенаправленно формируют привычку к пребыванию в фантастической реальности, в которой все возможно и можно задать любые системы условий.

Омаэ приветствует подобную виртуализацию сознания и то, что она приводит к выключению молодежи из потока социокультурной трансляции национального опыта предыдущих поколений. Однако глобальных потребителей в мире не так много, и поэтому в неолиберальных построениях Омаэ содержится изрядная доля утопизма. Правда, утопизм сразу исчезает, когда у Омаэ заходит речь о том, что государство «должно». Оно должно создавать удобную инфраструктуру и готовить работников для ТНК, которые, возможно, заинтересуются инвестиционными предложениями. Омаэ, естественно, признает, что средства на это государство должно извлекать из налогов на ТНК. Но, как известно, ТНК нацелены именно на уклонение от налогов, особенно в странах с развитым социальным сектором. Неолибералы любят бросать

государственной системе обвинения в потворстве иждивенчеству, но для ТНК это характерно в большей степени.

Г. Киссинджер считает позитивным как то, что глобализация подрывает основы суверенитета национального государства вследствие беспрецедентной ликвидности глобального капитала, так и то, что это не касается главного «проводника» глобализации – Соединенных Штатов. Важнейшим аргументом здесь оказывается то, сформировало ли государство нацию или является «несостоявшимся». «Несостоявшееся» государство – потенциальный объект «гуманитарной интервенции» для США и других стран, отвергающих принцип невмешательства. Вместе с тем, Киссинджер осознает противоречие между безудержным стремлением капитала к прибыли и национально-государственной стратификацией политической реальности мира. Разделение на национальные сегменты – важнейшая характеристика политической реальности, что в свою очередь предопределяет ответственность правительств перед своим населением за уровень жизни. Правительство, идущее на низкий уровень жизни населения ради включения в глобальную экономику, не сможет удержаться у власти. Это еще один источник возможной нестабильности государств[4].

Неолиберал Р. Райх обосновывает тезис об исчезновении в глобальной экономике такой реальности, как «национальное хозяйство», что обессмысливает самостоятельную экономическую политику национального государства. В книге «Труд наций» Райх ярко и аргументировано обосновывает тот факт, что в глобальных производственных системах ни один их сегмент не имеет национально-государственной принадлежности и не подконтролен регулирующим усилиям государств, на чьей территории он находится[5]. Однако Райх, пожалуй, преувеличивает роль сетевых структур, услуг, знаний и малых форм в современной экономике, которая продолжает оставаться корпоративной, но, как и прежде, во многом решает свои проблемы через те или иные государственные органы. Другое дело, что в новой экономике корпорациям стало удобнее выводить свои прибыли из-под государственного контроля, декларируя их в любой точке глобального потока, и прежде всего – в оффшорах.

В отечественной литературе критическую позицию по отношению к суверенитету национального государства занимают авторы неолиберальной ориентации В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов. Они считают, что принцип национального суверенитета устарел, более того: его краткосрочное либо продолжительное ограничение

будет способствовать преодолению экономических кризисов и финансовых катаклизмов[6]. В свою очередь, П.К. Гречко также уверен, что «национальный суверенитет отмирает», поскольку «исчерпал, выработал свой социально-исторический и политико-правовой ресурс»[7]. На мой взгляд, здесь налицо явное стремление выдать желаемое за действительное. Если нужны меры для ограничения суверенитета, значит, он не отмирает, а вполне живуч, как и его субъект – национальное государство.

Поэтому гораздо ближе к истине представители так называемого трансформистского подхода, для которых глобализация является абсолютно новым феноменом. С их точки зрения, она представляет собой движущую силу всех современных изменений, в ходе которых осуществляется трансформация экономических и социально-политических границ. Одной из отличительных черт сегодняшнего мира, по их мнению, оказывается адаптация государств к новому миропорядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферы. Как пишет Э. Гидденс, вследствие того, что современные государства теснейшим образом связаны с региональными и транснациональными политическими и экономическими группировками и корпорациями, границы современных государств теряют статус жестких демаркационных линий. Скорее, их можно сравнить с «фронтирами», отодвигаемыми по мере добровольного делегирования правительствами части суверенных полномочий в пользу наднациональных институтов и организаций[8]. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, в том числе и государства[9].

Можно даже усилить этот тезис и заявить, что в условиях современной глобализации национальные государства не только не утратили свой политический потенциал, но и обрели «второе дыхание»[10], новые весьма значимые функции. Более того, можно утверждать, что умаление роли национального государства в работах многих современных теоретиков и политиков неолиберальной ориентации есть не что иное, как отрицание принципов классического либерализма XIX столетия, программа которого «состояла из трех основных элементов: избирательное право, перераспределение благ и национализм»[11]. Либерализм был в свое время важнейшим идеологическим инструментом формирования национальных государств. Классический либерал, как правило, разделял принципы национализма. Современный неолиберализм их категорически отвергает.

Если отвлечься от многочисленных дисциплинарных и авторских вариантов неолиберализма, то ключевыми моментами этой идеоло-

гии можно назвать требования политической демократии и безусловной свободы движения людей, товаров и, прежде всего финансовых, капиталов, т.е. отказ от вмешательства национальных государств во внутреннюю и внешнюю экономическую жизнь и, соответственно, – дерегулирование внутренних и международных рынков для свободного (неуправляемого) перемещения товаров и финансов через национальные границы. По существу это означает отказ от хорошо зарекомендовавшей себя во времена Великой Депрессии неклассической либеральной модели капиталистического развития британского экономиста Джона Мэйнарда Кейнса и Бреттон-Вудской системы фиксированных курсов обмена валют ведущих индустриальных стран. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Международный финансовый порядок. Становление и развитие

Вспомним, что модель экономического развития Кейнса появилась как ответ на политические итоги Версальского мира и глобальный экономический кризис 1920 – 1930 годов, подорвавший веру в капитализм как либеральную саморегулирующуюся систему производства, перераспределения и потребления. Кейнс предложил универсальный «метод лечения» либерально-капиталистической модели жизни: рекомендовал президенту США Ф. Рузвельту, чтобы государство взяло на себя ответственность за обеспечение занятости населения и способствовало росту производства при помощи регулирования кредита и денежного обращения, а также организации общественных работ за счет бюджетного финансирования[12].

В своей теории Кейнс отвел государству роль главного финансового инвестора национальных экономик, из чего следовало, что госбюджет можно использовать как средство интервенции и в период экономических спадов, и в период экономических подъемов. В последнем случае государство должно было бы обеспечивать погашение возникшего в предшествующий период государственного долга за счет увеличения налогов и предотвращения инфляции. Кроме того, правительство могло напрямую поддерживать те отрасли промышленности, которые, согласно ожиданиям, должны были обеспечить быстрый рост и спрос на рабочую силу.

В июле 1944 года идея государственного вмешательства в валютно-финансовую сферу была инициирована странами-победительницами и принята 44 странами в деревне Бреттон-Вуд в горах Нью-Гэмпшира. По предложению представителей США и Великобритании были созданы новые международные валютно-

финансовые структуры – Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и, тем самым, был утвержден новый послевоенный финансовый порядок, получивший название Бреттон-Вудской системы. В соответствии с этим новым финансовым порядком цены валют стран-участниц привязывались к доллару, в то время как эмиссионный банк США со своей стороны гарантировал обмен долларов на золото. В то же время сделки с валютой контролировались официальными органами, так что в большинстве стран требовалось получать разрешение на обмен и перевод крупных сумм. В этой системе виделся ответ на хаотическое развитие событий 1920-х и 1930-х годов, которые привели к бессистемным национальным ответным мерам, протекционизму и, в конечном счете, к мировой войне.

Однако быстро растущие промышленность и коммерческие банки рассматривали такие бюрократические ограничения, как механизмы сдерживания послевоенного роста. В 1970 году США, ФРГ, Канада и Швейцария отменили контроль над перемещениями капитала. Так, Бреттон-Вудская система стала рушиться. Окончательную свою несостоятельность она проявила, когда Ричард Никсон в 1971 г. отказал Франции в обмене долларов на золото, что являлось основным принципом всей системы. В реальности это означало невыполнение Соединенными Штатами в одностороннем порядке взятых на себя обязательств. Так началось постепенное воздержание и других национальных государств от жесткой привязанности собственной валюты, а следовательно, в известной степени и экономики в целом, к курсу доллара, определяемому, естественно, во многом самими США. «Спекулянты», т.е. дилеры, оценивающие валюту в соответствии с различными возможностями капиталовложений, стали договариваться о курсах обмена между собой, и система фиксированных курсов развалилась.

Это означало, что все остальные страны, сохранившие контроль, попали под давление. Их крупные корпорации жаловались на прекращение доступа к иностранному капиталу с выгодными ставками процента. В 1979 году сняла последние ограничения Великобритания, годом позже – Япония. Направляемые твердой верой в способность не скованной никакими ограничениями экономики повысить благосостояние, правители Европейского Сообщества начали в 1988 г. движение к единому рынку. В ходе этой «величайшей программы дерегулирования в истории экономики» (как назвал ее председатель Еврокомиссии Петер Шмидхубер)

Франция и Италия тоже освободили циркуляцию денег и капитала, а Испания и Португалия продержались до 1992 г.

Главной причиной перехода к экономическому и политическому неолиберализму была конкуренция двух мировых систем: «социализма» и «капитализма». Ответом Запада на вызовы СССР стал новый финансово-экономический переход, который в условиях послевоенного биполярного мира был поддержан политически и «проективно»: в качестве альтернативы «глобальному коммунистическому проекту» предлагалась неолиберальная «евро-атлантическая модель развития», предполагающая расширение НАТО и развитие международных экономических (ГАТТ, ВТО, МВФ, Всемирного банка и др.) организаций при доминирующей роли США. Не случайно нынешнюю, евро-атлантическую форму глобализации справедливо называют «американизацией». После 1968 года мировая (евро-атлантическая) система капитализма эволюционировала от неклассических либеральных принципов организации социально-экономической жизни стран-участниц (принципа ориентации на «государство всеобщего благосостояния» и принципа «национализма») к неолиберальной идеологии развития: свободе перемещения товаров и капиталов сначала в пределах евро-атлантического альянса, а затем и за его пределами, отказу от вмешательства государства в национальные экономики и сокращению объема его (государства) социальных гарантий. По мнению многих, это давало Западу, во-первых, конкурентные преимущества перед странами Варшавского договора и зоны социализма, а во-вторых, позволяло более гибко осуществлять политику неоколониализма в отношении стран третьего и четвертого мира, проводниками которой, помимо глобальных финансовых институтов (МВФ и ВФ), были и остаются имеющие «национальную прописку» крупнейшие ТНК.

Как ни странно, авторами и акторами неолиберальной идеологии в сферах внутренней и внешней политики выступили консерваторы. После побед консерваторов на выборах в Великобритании и США в 1979 и 1980 годах соответственно правительства этих стран стали проводить откровенно монетаристский курс, наиболее последовательными адептами и проводниками которого стали советник президента Рейгана Мильтон Фридман и наставник Маргарет Тэтчер Фридрих Август фон Хайек. Поэтому эволюцию либерализма к неолиберализму в XX столетии условно именуют как «путь от Кейнса к Хайеку».

Как уже отмечалось, согласно этим теоретикам, стратегическим инструментом экономической политики должны были стать

«дерегулирование», «либерализация» и «приватизация». По их мнению, государство должно было стать не более чем «ночным сторожем», который следит за порядком, и чем больше у частного бизнеса свободы в вопросах инвестиций и найма, тем выше темпы роста и всеобщее благосостояние. Отталкиваясь от этих принципов преимущественно «неолиберальные» (хотя и именовавшие себя «консерваторами») правительства Запада в 1980-е гг. начали своего рода борьбу «за дело капитала». Они устранили механизмы контроля во многих областях и резко снизили возможность государственного вмешательства, прибегнув к торговым санкциям и иным средствам давления, чтобы заставить несговорчивые страны-партнеры следовать тем же курсом.

Распад СССР и «мировой системы социализма» упрочил представление о правильности неолиберального курса на глобальную экономическую интеграцию (осуществленную, прежде всего, за счет «нового мирового финансового порядка»), породил представление о «конце истории» (Ф. Фукуяма) и дал старт так называемому Вашингтонскому консенсусу.

Действительно, сформированная к середине 1990-х годов международная финансовая система поражала размерами и мобильностью глобального, прежде всего, финансового капитала. Согласно данным Банка международных расчетов, уже в начале XXI в. ежедневный объем валютных сделок превышал 1,5 триллиона долларов. Сделки с акциями, корпоративными займами, казначейскими облигациями и бесчисленными специальными контрактами (так называемыми деривативами) осуществлялись примерно в тех же объемах. Уже в конце 1990-х годов ценовой объем выпущенных деривативов (всех этих «свопов», «фьючерсов» и «опционов») составил примерно 480 триллионов долларов. И это создавало иллюзию почти безбрежного инвестирования и следующего за ним роста реального сектора экономики. Но последовавшая череда финансовых кризисов в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и России поставила под сомнение эффективность неолиберальных рецептов.

Попытки выправить ситуацию за счет сокращения государственных расходов и девальвации национальной валюты вызвали падение уровня жизни и социальное недовольство, закончившееся, например, в Индонезии свержением существовавшего режима. Новым индустриальным странам Юго-Восточной Азии пришлось расплачиваться за излишне поспешную интеграцию в структуры глобальных финансовых рынков. Конечно, кризисы в Юго-Восточной Азии 1997 г. и России 1998 г. – не локальное явление,

вызванное просчетами местных правительств, а проявление нестабильности глобальной финансовой системы. Эти кризисы – не нечто из ряда вон выходящее, напротив, они хорошо встраиваются в ряд: Европа (1992), Мексика (1994), Бразилия (1999), Аргентина (2002), США и Европа (2008).

Трансформации глобализации

Итак, налицо новая форма глобализация – глобализация кризисов. Как показали события всемирного финансово-экономического кризиса 2008 г., единственным эффективным стабилизатором экономического развития, как и прежде, остаются национальные государства. Государства, которые в условиях неолиберальной глобализации не только не утратили своей политической и экономической мощи, но и обрели новые функции. Какие же?

Прежде всего, по мнению некоторых исследователей, само решение о либерализации финансовых рынков не являлось следствием естественной экономической необходимости, а было политическим[13]. Оно было инициировано правительствами США и Великобритании, которые хотели таким образом обеспечить проникновение своих банков и корпораций на рынки других стран. Вообще феномен США активно обсуждается в литературе в связи с проблемой будущего национального государства в условиях глобализации. Наиболее распространенным является мнение, что США представляют собой исключение, подтверждающее правило: глобализация в целом ослабляет национальные государства, но одно из них становится ее рычагом. М.Г. Делягин видит причину роста мощи США в избранной ими стратегии выращивания и концентрации на своей территории глобальных ТНК[14]. Глобальные корпорации выходят из США, менеджеры ТНК стажируются в США, решающая часть виртуальной экономики базируется в США[15]. Вследствие этого глобализация для Соединенных штатов оказывается способом национального развития. Борьба с США как со страной означает борьбу с транснациональными корпорациями и прочими экономическими структурами и финансовыми учреждениями, находящимися в симбиозе с государственными структурами США.

Во-вторых, глобализация осуществляется не помимо, а посредством государственных институтов. Государственный аппарат большинства стран активно сотрудничает с транснациональными финансовыми структурами и корпорациями[16]. Именно государства

гарантируют существование монополий – важнейшего источника накопления капитала. Легитимного эквивалента национальным государствам на глобальном уровне все равно нет. Они вносят некоторую упорядоченность в довольно хаотичную глобальную экономику. Глобальная экономика, будучи в значительной степени виртуальной, по определению нестабильна. Государства же способны ее стабилизировать в той мере, в какой она связана с производствами, так или иначе находящимися в поле государственного контроля. Р. Кокс вообще называет государства «приводными ремнями» глобального хозяйства[17].

В-третьих, неолиберальная глобализация разрушает национально-культурное своеобразие и социальную ответственность государства, но поддерживает его репрессивные механизмы. Наиболее отчетливо данную позицию выразил команданте Маркос. С непосредственностью крестьянского вождя он пишет, что «государство оставило при себе лишь последнюю, необходимейшую функцию – функцию подавления. В условиях, когда его материальная база разрушена, суверенитет и независимость аннулированы, а политическое лицо стерто, национальное государство превращается просто в службу безопасности при мегакорпорациях. Вместо того, чтобы направлять государственные средства на социальные нужды, оно тратит их на бесконечное совершенствование своего аппарата подавления, позволяющего ему более эффективно контролировать общество»[18].

Еще одной функцией, сохраняющейся за государством, по мнению И. Валлерстайна, является предотвращение возможности странам Периферии вмешиваться в ход миро-хозяйственных трансакций. «Государство все еще остается значимым, прежде всего для предпринимателей», – пишет И. Валлерстайн[19], обращая внимание на то, что лишь государства смогут взять на себя издержки предпринимателей, которые могут возникнуть вследствие долгосрочной тенденции к понижению нормы прибыли. А антиглобалисты говорят о том, что в ходе глобализации происходит реорганизация государств, в результате которой «целые страны входят на правах отделов в неолиберальное мега-предприятие»[20].

Утрата государствами мощи и суверенитета не в интересах глобального бизнеса, успехи которого во многих случаях зависят от вмешательства государства. Для достижения своих целей ТНК нуждаются в содействии политиков и правительств. Именно эти вопросы вызывают необходимость в согласованиях, ради которых проводятся встречи, подобные Давосскому форуму.

Кроме того, можно говорить о функциях государства, специфических именно для глобализующейся экономики. Прежде всего, это касается технологических и патентных приоритетов. Администрация США, например, четко обозначила позицию защиты своих ТНК, отказавшись подписать Конвенцию по биологическому разнообразию, которая была принята на саммите в Рио-де-Жанейро и Киотский протокол. Государства сохраняют возможности регулировать пределы колебания обменных курсов валют. Правительства продолжают субсидировать НИОКР, что, как правило, бывает на руку ТНК. Известно, что именно благодаря государственному финансированию был разработан Интернет. Информационные технологии требуют огромных инвестиций, и здесь государственные вложения далеко не лишние. Кроме того, прибыльность частных инвестиций в развитие новых информационных технологий определяется возможностью монополизировать рынок вследствие защиты государством патентов.

ТНК развиваются, используя на внешних рынках благоприятные местные ситуации, которые сами же и создают с помощью государств[21]. Управлять рынками посредством правительств удобнее. Развивающиеся страны не имеют реальных возможностей выбора во взаимоотношениях с ТНК, преимущество последних состоит как раз в наличии этого выбора. Одновременно активность ТНК приводит к укреплению «своих», т.е. – ведущих мировых держав[22]. Происходит это на основах взаимности. Попытки развивающихся стран в 1970-е гг. разработать в рамках ООН «нормы поведения» для ТНК провалились из-за противодействия стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития.

Эффективными методами помощи корпорациям со стороны ведущих государств являются применение принципов свободы торговли к одним странам и экономической блокады к другим, «гуманитарная помощь», навязывание вестернизированных культурных стандартов, приемы управления миграцией рабочей силы. Важной формой сотрудничества ведущих государств и ТНК является «военное кейнсианство». Дестабилизация обстановки в богатых ресурсами развивающихся странах требует военного вмешательства, обеспечение которого становится стабильным источником поддержки высокотехнологичных производств. Возможность с помощью военной силы «своих» государств контролировать те или иные страны оборачивается для ТНК выгодными контрактами и преференциями. Так ТНК помогают «родным» государствам в развертывании гегемонии. Глобальный финансовый рынок вопреки идеологемам

неолиберализма не является царством безгосударственной свободы и не работает эффективно без применения ведущими державами военной и прочей силы, обеспечивающей как статус-кво, так и преимущества сильных в конкурентной борьбе.

Есть еще один аспект – не новый, но важный – касающийся компенсации непроизводственных издержек корпораций. Речь может идти о различных издержках – социальных, культурных, экологических. Эта практика ТНК перекладывать свои трудности и проблемы на государство, конкурентов, окружающую природную среду получила название экстернализации[23]. Возможности экстернализации растут в условиях глобализации по мере расщепления национальных хозяйственных комплексов. Под наибольшим ударом оказывается экологическая обстановка, и практика экстернализации закономерно вызывает появление и обострение глобальных проблем.

Есть еще одно очень важное обстоятельство: транснациональные корпорации не хотят тратиться на развитие необходимой им социальной инфраструктуры. Эту функцию берет на себя государство. Об этом не следует забывать. Идеологи неолиберализма в своих построениях предпочитают игнорировать это обстоятельство, а оно носит принципиальный характер. Корпорации чувствуют себя настолько уверенно, что убеждены в своем праве получать все, что государство может им предоставить. Авторы книги «Многоликая глобализация» приводят высказывание руководителя отдела по связям с общественностью одной из ТНК: «Я думаю, страны начинают осознавать, что если они хотят быть участниками глобальной экономики, то они должны создать у себя инфраструктуру и рынки»[24]. Принимая на себя издержки по созданию и подержанию инфраструктуры, государство фактически вынуждает всех налогоплательщиков возмещать убытки корпораций. Таким образом срабатывает современный анонимный механизм перераспределения в пользу сильных. Нельзя сказать, чтобы его работа способствовала укреплению социальной стабильности. Политика «жесткой экономии» и сокращения бюджетного дефицита не только добивает остатки «государства всеобщего благосостояния», но и способствует замедлению темпов экономического роста и снижению занятости.

И, наконец, государственные органы незаменимы для глобального финансового рынка и ТНК в том, что касается борьбы с инфляцией, снижения издержек производства, социальных гарантий, стоимости рабочей силы, а также повышения ее гибкости и, в меньшей степени, мобильности. Снижение социальных расходов

все больше становится для развитых стран формой поддержки своего производителя в конкурентной борьбе с развивающимися странами. Повсеместное продавливание транснациональными финансовыми структурами мер торговой либерализации под флагом борьбы с демпинговыми ценами производителей из развивающихся стран на деле подкреплено мерами «нового протекционизма»[25], носящего неявный характер. Помощь «своим» компаниям разнообразна и осуществляется через проведение государственной политики в области НИОКР, реализацию программ расширения экспорта и другими способами. Так что и в условиях неолиберальной версии глобализации государство по прежнему необходимо транснациональным монополиям, поскольку государственные гарантии прав собственности необходимы для поддержания монополизации рынков, приносящей значительные материальные выгоды за счет экспонентального накопления капитала, поскольку мощное государство может воспрепятствовать более слабому создавать защитные барьеры для ТНК, поскольку государство принимает на себя бремя расходов в случае экономических трудностей ТНК, к примеру, оно может национализировать убыточное производство, реанимировать его за счет национальных средств и реприватизировать хозяевам по сходной цене.

Таким образом, национальное государство продолжает оставаться важнейшим фактором развития современной глобальной экономики и политики. Но его роль, в зависимости от типа и «качества» государства, принимаемой правительством стратегии развития и социальной политики, может быть разной. Ослабленные государства, по мнению З. Баумана, низводятся до уровня местных полицейских участков глобальной системы. Содержание в этом качестве слабых государств выгоднее, чем создание каких-то глобальных структур с законодательными и полицейскими полномочиями.

Сходные идеи развивают Р. Бербах и У. Робинсон, которые считают определяющей чертой современной глобализации вытеснение национального государства как организационного принципа капитализма и замену его транснациональными институтами[26]. По их мнению, многие государства ослабли, превратившись лишь в конторы по реструктуризации, не берущие на себя никакой ответственности перед трудящимися и населением в целом.

Действительно, в результате инициированных группой стран G-7 глобализационных процессов с организованным рабочим движением практически перестали считаться. Классическая социал-демократия переживает крах не столь заметный, как у коммунистов,

но более глубинный и серьезный. Из под нее выбита опора – профсоюзы. Глобальных инвесторов больше не интересует «подкуп» рабочей аристократии у себя дома, как не интересует их в прежней степени реальный сектор производства. Прибыли в значительно больших масштабах могут извлекаться в виртуальном секторе и за счет дешевой рабочей силы стран «третьего мира». Но все это касается поражения проекта «государства всеобщего благосостояния». Само же национальное государство остается. Оно по определению есть инструмент выражения существующих в обществе интересов. Поэтому оно может обеспечивать для транснациональных компаний перекладывание их издержек на плечи трудящихся и вытаскивание кампаний из ям кризисов, но может и защищать национального производителя и национальную культуру.

К сожалению, на так называемые «несостоявшиеся национальные государства» этот тезис не распространяется. Последние, как было заявлено в февральском 2009 г. Отчете МВФ, накрыла «третья волна» мирового экономического кризиса. Определение «третьей волны» упадка экономики появилось в употреблении представителей фонда в связи с тем, что первыми под удар попали промышленно развитые страны, затем «вторая волна» накрыла развивающиеся экономики, а теперь кризис распространился и на остальные государства, беднейшие. В их числе называются более 20 стран, половина из которых расположена в Африке к югу от Сахары. Так, в данный список попали Албания, Ангола, Армения, Бурунди, Вьетнам, Гана, Гаити, Гондурас, Демократическая республика Конго, Джибути, Замбия, Киргизия, Кот д`Ивуар, Лаос, Лесото, Либерия, Мавритания, Нигерия, Папуа-Новая Гвинея, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Судан, Таджикистан, Центральноафриканская республика, Молдавия и Монголия.

Невзирая на мировой кризис и пользуясь неолиберальными рецептами, правительства этих и некоторых других стран «третьего» и «четвертого» мира» принимают традиционные меры для обеспечения инвестиционной привлекательности за счет привлечения портфельных инвестиций. Но парадоксальным образом в среднесрочной перспективе эти меры усугубляют существующие экономические трудности внутри этих государств (невозможность создания новых рабочих мест в реальном секторе экономики, снижение покупательной способности населения) и приводят к дальнейшему оттоку капитала из страны.

Кто же будет расплачиваться за неминуемые катастрофические последствия глобальных игр с деривативами? В любом случае –

правительства и налогоплательщики, гражданское общество. И никак иначе. А влиять на процессы они не могут. Неолиберальная идеология запрещает это. Что делать?

Очевидный выход – отказ от неолиберализма и создание нового финансово-экономического порядка с новыми макрорегиональными валютными центрами и центрами властных полномочий, деятельность которых будет основана на безусловном учете национальных интересов всех входящих в них государств. Однако, учитывая колоссальные разрывы в уровне технико-экономического, политического и экономического развития стран, следует признать, что в обозримой перспективе сделать это смогут лишь национальные государства мировой «полупериферии». Именно им вполне по силам отказаться от политики слепого следования рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма и выработать собственные национальные формы глобальных стратегий, опирающихся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и национальных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй Мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию[27].

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, успехи которых в долгосрочной перспективе

оказались не столь значительными в сравнении с Китаем, занявшимся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того, по мнению некоторых ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто функционеры, а прежде всего, патриоты... Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское»[28], сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Страной, способной создать альтернативную национальную модель глобализации, является также Индия. После завоевания независимости правительство Индийского Национального Конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. По мнению индийских ученых Д. Каушика и М. Сингха, настало время объединить усилия Индии, Ирана, Китая, России и Малайзии для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий – для себя и для других стран[29]. Видимо, основой такой стратегии должны стать, в первую очередь, отказ от неолиберальных догм и укрепление своего ***реального суверенитета*** в целях повышения роли национального государства как действенного инструмента для решения глобальных проблем современности.

Сможет ли Россия создать свою альтернативную модель глобализации? Думается, все будет определяться степенью зрелости Российской Федерации именно как национального государства. Восстановление престижа широко образованной, интеллектуальной личности – разносторонне развитого российского интеллигента, эффективное использование ***человеческого потенциала всей страны,*** широкомасштабные инвестиции в науку, современные высокие технологии, образование, искусство, медицину, экологию – вот, на наш взгляд, наиболее актуальные задачи, стоящие перед Россией, к решению которых следовало бы приступить безотлагательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 67 – 101. В отечественной литературе аналогичного мнения придерживается П.Г. Щедровицкий. Он убежден, что «национальные государства не соответствуют требованиям постиндустриального общества», которое будет формироваться на основе некоего «постнационального государства», и которое автор считает

оптимальным и для России (см.: *Щедровицкий П.Г.* Бунт капиталов // Эксперт. 2000. № 23. – С. 47).

[2] См.: Джордж Сорос о глобализации. – М., 2005.

[3] Первая глава его книги так и называется «Картографические иллюзии». (см.: *Омаэ К.* Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. – М., 2004. Ч. I. – С. 211 – 220).

[4] См.: *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? – М., 2002. – С. 6, 235, 242.

[5] См.: *Райх Р.* Труд наций // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. – С. 506 – 527.

[6] См.: *Иноземцев В.Л., Караганов С.А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. – С. 9, 15.

[7] *Гречко П.К.* Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Глобализация и мультикультурализм. – М., 2005. – С. 41.

[8] См.: *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002. № 6. – С. 436.

[9] Другие сторонники данного подхода считают, что на современном этапе власть следует понимать «только как отношения сотрудничества между правительством государства и властью международных организаций» (*Лакашук И.И.* Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001. № 4. – С. 66).

[10] См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М., 2008. – С. 92.

[11] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. – М., 2003. – С. 147.

[12] Правда, неизвестно, в какой мере осознанно президент Рузвельт использовал работы Кейнса «Экономические последствия Версальского договора» (1922) и тем более «Общую теорию занятости, процента и денег» (1936).

[13] См.: *Navarro V.* Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // International journal of health services. 1998. Vol. 28. № 4. – P. 671.

[14] См.: Практика глобализации. – М., 2000. – С. 138.

[15] См.: Многоликая глобализация. – М., 2004. – С. 370.

[16] См.: *McMichael Ph.* Globalization: Myths and realities // Rural sociology. – N. Y., 1996. № 2.

[17] См.: *Cox R.W.* Global «perestroika» // Approaches to word order / ed. by R.E. Cox with T.J. Sinclair. – Cambridge, 1996.

[18] *Маркос.* Четвертая мировая война началась // Альтернативы. 1998. № 4. – С. 11.

[19] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. – С. 88, 89, 91, 103, 104.

[20] *Бенсаид Д.* Разбитое зеркало неолиберализма // Альтернативы. 1998. № 4. – С. 20.

[21] См.: *Perrot E.* Penser la mondialisation // Recherches de science religieuse. – Paris, 1998. Vol. 86. № 1. – P. 23.

[22] См.: *Rugman A.* The End of Globalization. – L., 2000. – P. 219.

[23] См.: *Коллонтай В.* Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. – С. 35.

[24] Многоликая глобализация. – С. 368.

[25] См.: *Marshall D.* Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // Government and opposition. – L., 1996. Vol. 31. № 2. – P. 203.

[26] См.: *Burbach R., Robinson W.I.* The fin de siècle debate: globalization as epochal shift // Science & society. – N. Y., 1999. Vol. 63. № 1. – P. 31.

[27] См.: *Huntington S.* The Clash of Civilization and the Remaking of Word Order. – N. Y., 1996. – P. 75. См. также: *Федотова В.Г.* Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. № 8. – С. 32 – 41.

[28] *Буров В.Г., Федотова В.Г.* Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. – С. 18.

[29] См.: Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. – С. 17.

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь национальных государств, их суверенитета с процессами глобализации, которая, в свою очередь, претерпевает определенные трансформации в своем диалектическом развитии. Ставится под сомнение справедливость трактовки глобализации как прямолинейного исторического процесса, однозначно способствующего демократическому развитию национальных государств.

Ключевые слова:

глобализация, национальное государство, суверенитет, мировой кризис, протекционизм, неолиберализм, консьюмеризм, кейнсианство, международный финансовый порядок.

Summary

The article examines the relationship between sovereign nation-states and globalisation, which, in turn, undergoes transformations in its dialectical development. The author questioned the validity of the interpretation of globalisation as a linear historical process, that exceptionally contributes to democratic development of nation-states.

Keywords:

globalisation, nation-state, sovereignty, world crisis, protectionism, neoliberalism, consumerism, keynesianism, world financial order.

Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. Мариносян